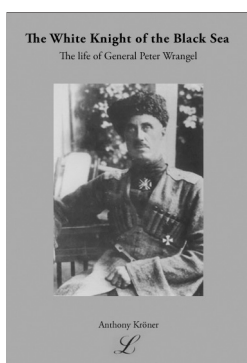

А. С. Пученков

Рецензия на книгу А. Kröner "The White Knight of the Black Sea. The life of General Peter Wrangel"

*Памяти моего друга, петербургского историка и писателя
Александра Евгеньевича Беззубцева-Кондакова (1980–2014)*

**Пученков Александр
Сергеевич,**
кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Рецензируемая книга нидерландского историка Э. Кронера¹ посвящена одной из самых ярких фигур российской контрреволюции — генерал-лейтенанту, барону Петру Николаевичу Врангелю. Надо сказать, что «черный барон» всегда вызывал большой интерес у историков. Чем была «врангелиада» — борьбой, обреченной на поражение; агонией Белого дела, «последней судорогой русской контрреволюции»²; масштабным государственным строительством на территории Крымского полуострова — без «чеки», расстрелов, экспроприаций и с продуманной аграрной политикой; наконец, мог ли «остров Крым» (вспомним знаменитый роман Василия Аксенова) выстоять в противостоянии с советской Россией, явив миру уникальный пример государства, оторванного от метрополии? На такие вопросы можно разбить эту проблему. Учитывая недавнее воссоединение Крыма с Россией, крымская эпопея Врангеля не может не быть признана актуальным эпизодом отечественной истории.

Сразу оговорим, что книга Э. Кронера состоялась не только как библиографический факт, но и как событие в историографии. Автору удалось, используя обширную документальную базу, воссоздать основные этапы жизни генерала Врангеля — происхождение Врангеля, начало его военной службы, карьерный взлет, участие в Великой войне, в которой молодой офицер сумел отличиться, наконец, участие в гражданской войне, конфликт с генералом А. И. Деникиным, возглавление остатков Вооруженных Сил на Юге России (далее — ВСЮР), исход белого воинства из Крыма, и жизнь на чужбине в положении признанного вождя русского рассеяния.

В качестве одного из достоинств работы следует назвать легкий, доступный самому широкому читателю стиль изложения. Автор — превосходный стилист; его работа погружает читателя в особый русский мир начала XX века; ученый великолепно ориентируется в специфике дворянского быта рубежа веков, корпоративной этике русского офи-

цества и т. д. Важно также и то, что Врангель не показывается в отрыве от тех событий, свидетелем и активным участником коих он был: напротив, Кронер подробнейшим образом описывает и революционные события, и, в особенности, события гражданской войны, уделяя особое внимание феномену белого добровольчества, идеологии российской контрреволюции, пытаясь дать свой ответ на извечный вопрос, что же такое Белая идея.

Автор плодотворно поработал в российских и американских архивах, привлек достаточно большое количество научной литературы — как российской, так и зарубежной, вместе с тем, целый ряд публикаций ускользнул от внимания исследователя. К сожалению, Э. Кронер не уделил достаточного внимания целому ряду моментов, которые, на наш взгляд, являются ключевыми для понимания феномена Врангеля: учеба будущего генерала в петербургском Горном институте³; насколько Врангель «торопился» или наоборот — вступить в ряды Белой армии⁴; политические убеждения П. Н. Врангеля; сложная интрига, затеянная генералом для того, чтобы «свалить» Деникина с поста Главкома ВСЮР⁵; кто из политических деятелей помогал Врангелю в этом; связаны ли были Врангель и его окружение с убийством в Константинополе бывшего начальника штаба Деникина и его ближайшего друга и единомышленника генерала И. П. Романовского⁶; соответствовали ли истине заявления Врангеля о предпочтительности царицынского, а не московского направления в период наступления Деникина лета-осени 1919 г.⁷; участие П. Н. Врангеля в «кубанском» действии ноября 1919 г.⁸; политика Врангеля в период советско-польской войны, иначе говоря, насколько соответствовала идеалам русского патриотизма фактическая поддержка Врангелем польского наступления на советскую Россию⁹; конфликт между Врангелем и генералом Я. А. Слащовым-Крымским¹⁰; вопрос о личной вине Врангеля за провал плана обороны Крыма¹¹; борьба Врангеля за политическое лидерство в эмиграции; были ли мемуарные «записки» Врангеля памфлетом, направленным против Деникина, и история создания этих записок; наконец, «чекистский» след в загадочной смерти Петра Николаевича весной 1928 г.¹² Все эти сюжеты, как представляется, либо просто опущены, либо описаны в работе достаточно схематично.

Между тем эти проблемы представляются наиважнейшими. Представляется необходимым, исключительно в целях товарищеской полемики, а не критики книги как таковой, обозначить конспективно свою позицию по некоторым из этих вопросов.

1. Весна 1920 года не могла внушать южнорусскому Белому движению никакого оптимизма. Откат и разложение белогвардейцев казались необратимыми. В таких условиях понятно, что в среде воюющих начались поиски виноватого. Поневоле все взоры были обращены в сторону первых фигур — Главнокомандующего ВСЮР генерала Антона Ивановича Деникина и его командующего штабом генерала Ивана Павловича Романовского. Последнего нередко называли «злым гением» генерала Деникина и Добровольческой армии¹³. Даже противники не отрицали личную честность и порядочность Деникина; речь шла о другом: в условиях гражданской войны во главе политического режима должен быть настоящий диктатор, властный и жесткий человек, а не «богородица», как называли в военных кругах Деникина, за его «честнейшую, незлобивейшую и не приспособленную к жизни сей натуру»¹⁴. Естественно также и то, что в стане антиденикинской оппозиции неизбежно возникал вопрос и о том, кто может быть альтернативой генералу Деникину. Большинство «оппозиционеров» склонялись к тому, что такой фигурой может быть только генерал Петр Николаевич Врангель. Отношения между Деникиным и Врангелем могут быть предметом отдельного исследования. Каждый из

генералов не очень любил распространяться об истории конфликта, понимая, быть может, что выглядел в нем не безупречно. Яркое определение противостоянию Деникин-Врангель дал первый из генералов, назвав его «русским позорищем»¹⁵. Можно сколь угодно долго говорить о том, готовил ли Врангель интригу против Деникина с целью его смещения, или же он был в этом отношении безупречен и чист, важно другое: в сознании Деникина Врангель был интриган, метивший на его место. Даже ближайший товарищ Врангеля, генерал П. Н. Шатиллов соглашался с тем, что для Деникина «Врангель представлялся лицом, готовым использовать все пути, чтобы добиться замены собой Деникина»¹⁶. Знал Деникин и то, что в армии он стремительно теряет популярность и веру в него, и что очень многие верят в то, что только Врангель может выправить положение. Помимо очевидного претендента на власть — Врангеля, существовали еще и «теневые» лидеры — генералы Я. А. Слащов и А. П. Кутепов. Если первый в своих воспоминаниях упоминает о том, что в качестве преемника Деникина в армейской среде упоминалось его имя¹⁷, то Кутепов в эмиграции предпочитал не афишировать свое имя в связи с этой историей. Между тем именно Кутепов, как обоснованно заключает Р. М. Абинякин, сознательно стремился подтолкнуть Деникина к уходу и занять его место¹⁸. Общая подавленность, ощущение неизбежности крушения любимого дела, потеря веры в армию — все это привело к тому, что Деникин решил оставить свой пост. Перед этим же, как вспоминал осведомленный генерал А. С. Лукомский: «создавалось определенное впечатление, что Врангель не только будирует против Деникина, но ведет определенную против последнего интригу, выдвигая себя ему на смену»¹⁹. Сам Врангель, даже годы спустя, отрицал какое-то свое участие в интриге против Деникина, заявляя в 1926 г. Лукомскому о том, что был в начале 1920 г. «вне всякой политики и не имел дела с политическими деятелями. И, несмотря на это, когда у Деникина все рухнуло, и он принужден был уйти, я был обвинен в каких-то интригах...»²⁰.

Несомненно, что в своих высказываниях и записках Врангель лукавит. Известно, что у генерала существовала неприязнь и к Деникину, которого он считал «мелким заурядным “плебеем”»²¹, и к генералу Романовскому, начальнику штаба Деникина. В истории противостояния Врангель-Деникин важным значением обладал и личный момент, иначе говоря, личная неприязнь Врангеля к Деникину, обида на штаб армии, и, персонально, на генерала И. П. Романовского, плюс, естественно, как и бывает в таких случаях, представление о собственном исключительном военном даровании, больше, по Врангелю, чем у Главкома ВСЮР — Деникина²². Представляется также и то, что Врангель, по самой своей психологии, был способен оставаться *абсолютно* лояльным только к монарху; повиновение же любому военному вождю в условиях гражданской войны вытекало для него, скажем так, исходя из чувства целесообразности. Вряд ли знаменитые письма-памфлеты Врангеля к Деникину, в которых содержалась жесткая и во многом тенденциозная критика политики Главкома, укладываются в рамки привычной армейской субординации²³. Получается, что «контрреволюционер» Врангель в своих отношениях с Деникиным исходил не из традиционных представлений о воинской дисциплине, а из сформированных революционной традицией понятий «дисциплина в рамках революционной целесообразности» и т. д., от которых к концу 1919 г. уже отказалась Красная армия. В полном соответствии с революционной традицией, вокруг Врангеля складывался круг генералов и адмиралов-единомышленников, оппозиционно настроенных по отношению к Деникину, Врангель как вождь оппозиции обладал и идеологической подпоркой — Струве, Кривошеин, возможно, и Шульгин сочувствовали стремлению барона к возглавлению южнорусского Белого движения, а значит, вполне

по-революционному, фрондировали против Деникина. По обоснованному утверждению историков А. И. Ушакова и В. П. Федюка (также думает и автор этих строк), в борьбе за власть на белом Юге Врангель «пустился в откровенные интриги» против Деникина²⁴. Примечательное свидетельство содержится в воспоминаниях генерала П. И. Аверьянова, писавшего о том, что «Всемирно было известно, что еще в 1919 году барон Врангель стал в оппозицию генералу Деникину и вел против него и открытую, и скрытую борьбу. Немало было в свое время разговоров об "интригах" П. Врангеля против Деникина и о его почти нескрываемом намерении устроить "переворот" и устранить Деникина...». После удаления из армии Врангеля и его ближайшего сподвижника и друга генерала П. Н. Шатилова, как вспоминал Аверьянов, немало добровольцев говорили о том, что «Слава Богу, двумя интриганями в Добрармии стало меньше!»²⁵

2. Врангель, безусловно, был ярким военным вождем, обладавшим исключительно сильной энергетикой. Харизму Врангеля²⁶, его военные и административные способности отмечают большинство мемуаристов²⁷. Черчилль в этой связи даже заявил, что Врангель — «фигура исключительной энергии и качеств, человек, чересчур поздно занявший место среди белых вождей»²⁸. Масштаб личности Врангеля признается и большинством историков и публицистов²⁹. «Конечно, он был воин — с головы до пят. Конечно, он был настоящий военачальник. Но как невоенный, как ученый в области наук государственных, я могу удостоверить, что этот воин был — прирожденный правитель. В нем и был тот естественный гипнотизм власти, который бывает присущ таким прирожденным правителям. Этот гипнотизм исходил и от обаятельной силы духа, и от исполински-повелительной фигуры Воина-Правителя», — писал П. Б. Струве³⁰. Хорошо знавший Врангеля В. В. Шульгин писал: «Врангель был рожден для власти... Варяг-Врангель был на голову выше всего окружающего. Это — в буквальном и переносном смысле слова...»³¹. Представляется, что в глазах добровольцев Врангель в большей степени производил впечатление вождя, чем Деникин. Так, доброволец В. Саханев вспоминал: «Доходили до нас слухи и о распри Деникина с Врангелем. К Деникину никто никогда не питал особенно нежных чувств. Им восторгались, как прекрасным оратором, помнили о его речах на Московском совещании, ценили его верность Корнилову, но он ни в ком не вызывал чувства восхищения, как вождь и военачальник. Политические его тенденции для большинства были непонятны, как непонятна была и его нерешительность в важных политических вопросах... После крушения фронта и быстрого отката от уже, казалось, столь близкой Москвы, весь ореол Деникина растаял, вера в него окончательно погасла и открыто обсуждался вопрос о том, кто должен явиться его преемником. Вопрос этот обсуждался уже тогда, когда Деникин находился еще на Кубани и ничего не было известно о его намерении отказаться от командования...»³². По словам Саханева, «к армии Врангель стоял во всяком случае ближе, чем к обществу и там его больше понимали. Его ценили, как блестящего военачальника и ждали от него блестящих военных дел...»³³. Врангель был, конечно, исключительно одаренный военный, Петру Николаевичу удалось восстановить в армии дисциплину, боевой дух и веру в вождей. Армия, совершенно разложившаяся во время отступления от Орла к Новороссийску, снова стала армией в полном смысле этого слова: практически полностью прекратились грабежи и, как следствие, жалобы населения на добровольцев³⁴. Казалось, произошло какое-то чудо. Популярность барона в войсках была необычайно велика³⁵, несомненно, он действительно был вождем Божьей милостью.

3. Не обладая никаким опытом политической деятельности, барону удалось достичь заметных успехов и в деле мирного строительства на территории Крыма, и на дипломатическом поприще.

В июле-августе 1920 г. Врангелю удалось заручиться предварительным согласием правительства Великобритании на оказание помощи Русской армии, а также добиться признания Францией врангелевского правительства «фактическим правительством Южной России»³⁶.

Известно несколько высказываний Врангеля в отношении того, каким он хотел видеть свое государство — Крым. Политический сотрудник барона, Г. В. Немирович-Данченко, сообщал о том, что «Крым Врангель предполагает превратить в маленькое самостоятельное образцовое государство: с разрешением в пользу обрабатывающих земельного вопроса, с истинными гражданскими свободами, с демократическими учреждениями, с университетами и прочими культурными учреждениями. Пусть там, за красной стеной, слышат о «Земном рае», действительном не в Совдепии, а в белом Крыму. Пусть видят и идут к нам; всем идущим — наша поддержка и братский привет. Образцовое государство на носу у большевиков — лучший способ пропаганды к восстаниям. И притом к восстаниям не бесплодным: где-то на Юге есть база — Крым с признанным иностранцами правительством (летом 1920 г. Франция де-факто признала правительство генерала Врангеля. — А. П.), с армией, с танками и боевыми припасами»³⁷.

Врангель пришел на свой пост с полным осознанием необходимости не повторять тех ошибок, которые были сделаны Деникиным. Не знаю, можно ли согласиться с мнением современных историков о том, что «Врангель был единственным из вождей белого движения, кто, взяв власть, имел уже четкую программу действий на ближайшее будущее, причем программу развернутую, охватывающую все стороны жизни»³⁸. Скорее Врангель видел очевидные ошибки Деникина, и пытался найти верное решение задачи. Необходимо было иначе, чем Деникин, решить те вопросы, которые были главными: отношение правительства к аграрному вопросу, отношение его к окраинным новообразованиям и отношение армии к населению. Однако, как заметил П. Н. Милюков, «верные решения все были левыми решениями, а Врангель был... кандидатом правых... "левые" решения принимались Врангелем только как средство, а не как цель. И очень скоро из всей этой переоценки ценностей выглянула прежняя правая психология. "Левая" политика фатально переставала быть левой, попадая в "правые руки"»³⁹. Несомненно, что «правым» был и А. В. Кривошеин, помощник Главкома, фактически второй человек в Крыму, после самого барона.

Политику Врангеля нередко называют, вслед за П. Б. Струве, «левой политикой правыми руками», самому же Врангелю приписывают слова, характеризующие эту политику — «хоть с чертом, но против большевиков»⁴⁰.

Врангель, несомненно, был убежденным монархистом, но считал преждевременным выставление какого-либо партийного лозунга, будучи в этом отношении таким же «непредрешенцем», как и Деникин. В духе «непредрешенства» было выдержано и известное политическое воззвание генерала Врангеля к населению, опубликованное 20 мая 1920 г.:

«Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.
За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.
Помогите мне, русские люди, спасти Родину.
Генерал Врангель»⁴¹.

Употребление выражения «Хозяин» вызвало целый шквал критики: многие тут усматривали не только желание Врангеля реставрировать монархию, но и желание самому стать «Петром Четвертым». Разъясняя в прессе свое воззвание, Врангель заявил: «Хозяином я себя никоим образом не считаю, что признаю долгом засвидетельствовать самым решительным образом. Но я никак не могу признать “Хозяином” русской земли неведомо кем уполномоченный московский Совнарком, — бурьян, выросший из анархии, в которую погружена Россия. Хозяин — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он предпочтет монарха, Россия будет монархией, если он признает для себя полезной республику, будет республика. Мои личные взгляды не имеют никакого значения. С минуты принятия на себя власти, я отделился... от личных влечений к тому или другому порядку и беспрекословно подчиняюсь голосу русской земли...»⁴². В своем письме П. Н. Краснову, написанном в 1922 г., Врангель сообщал о том, что является монархистом: «Вы не можете сомневаться в том, что по убеждениям своим я являюсь монархистом, и что столь же монархично, притом сознательно, и большинство Русской армии». Но, — продолжал он, — революция разорвала два прежде связанных понятия о родине и о монархизме, и “нужна длительная работа, чтобы в народном сознании оба эти понятия вновь слились воедино. Пока этот неизбежный вопрос не завершится, причем вне всякого, со стороны, насильственного воздействия, пока оба эти понятия на станут вновь однородными, пока понятие “монархизма” не выйдет из узких рамок политической партии, Армия будет жить только идеей Родины, считая, что ее восстановление является реальной, первоочередной задачей... Идея служения родине сама по себе так велика, диктуемые ею задачи так многообразны, что в ней, в этой всем понятной идее, надо искать то начало, которое должно объединить Армию, народ и все государственно-мыслящие и любящие родину элементы”»⁴³. Уже в эмиграции, в письме влиятельнейшему генералу А. С. Лукомскому, Врангель еще более четко высказал свою позицию: «Монархический лозунг не может быть партийным или классовым лозунгом, каковым он, к сожалению, в настоящее время является. Он может быть только лозунгом национальным и будет жизненным только тогда, когда он стихийно делается достоянием всего народа и столь же стихийно отбросит все прочие, чуждые народу, ему силой навязанные лозунги. Я убежден, что в России будет монархия, даже в том случае, если бы среди эмиграции не существовало бы ни одной монархической партии, я бы сказал, что монархия будет вопреки монархическим партиям. Я не верю в прочность той монархии, которая будет восстановлена силой штыков или хотением одного класса населения. Совершенно не мыслю возможности “импортирования” диктатора, да еще олицетворяющего определенную политическую идею. В моем понимании, в процессе борьбы с большевиками, диктатура неизбежна. Но предрешать вопрос о том, кто таковым будет, нельзя. Я же почту своим долгом поддерживать всякую власть, явившуюся на смену большевистской, при условии, что эта власть будет отвечать народным чаяниям и надеждам...»⁴⁴. Еще раз подчеркнем, что Врангель оставался на общей для всех вождей южнорусского Белого движения позиция «непредрешения» будущей формы государственного устройства России.

Вместе с тем, несмотря на ряд пожеланий, которые скорее могут быть отнесены на случай возможного переиздания книги, работу Э. Кронера можно считать заметным явлением в историографии гражданской войны; представляется, что автору удалось показать наиболее характерные черты Врангеля как политика, военачальника и носителя духа Белой идеи. В этой связи можно высказать убеждение, что книга найдет своего читателя.

---

¹ Kröner A. The White Knight of the Black Sea. The life of General Peter Wrangel. Hague, 2010; Кронер Э. Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М., 2011.

² Минц И. И. Врангелевщина // Красный архив. 1930. Т. 2 (31). С. 4.

³ См.: Выпускник Горного института барон Петр Врангель: жизнь и судьба / В. Г. Афанасьев, Ф. Л. Севастьянов, И. Л. Волошинова; отв. ред. В. Г. Афанасьев. СПб., 2010. С. 41–63.

⁴ См.: Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 73.

⁵ См.: Абинякин Р. М. Смена главнокомандующих Вооруженными Силами на Юге России в 1920 г.: проблема сочетания «добровольческих» и «регулярных» устоев // Крым. Врангель. 1920 год / Сост. С. М. Исхаков. М., 2006. С. 15–25; Карпов Н. Д. А. И. Деникин и П. Н. Врангель: от несогласия к антагонизму // Крым. Врангель... С. 26–38; Пученков А. С. «Генеральский совдеп» в Севастополе, или смена Главнокомандующих Вооруженными Силами Юга России в марте 1920 г. // Клио. 2010. № 4. С. 86–90; Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М., 1997. С. 34–50.

⁶ См.: Абинякин Р. М. Убийство генерал-лейтенанта И. П. Романовского: действующие лица и исполнители // Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России (Москва, 2-3 ноября 2010 г.): материалы междунар. конф. / под ред. канд. ист. наук М. Б. Смолина, канд. полит. наук В. Н. Филяновой. М., 2011. С. 313–323.

⁷ См.: Лобанов В. Б. Кавказская армия в составе Вооруженных Сил Юга России // Новый часовой. 2010. № 19–20. С. 91–95.

⁸ См.: Пученков А. С. Деникин и кубанцы в 1919 году: два эпизода отношений // Русский сборник. 2012. Т. XII. С. 385–406.

⁹ См.: Пученков А. С. «Даешь Варшаву!»: из истории советско-польской войны 1920 года // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 32–33. — «Для меня было непостижимо, как русские белые генералы ведут свои войска заодно с поляками, как они не понимают, что поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития. Как они не понимают, что большевизм пройдет, что это временная, тяжкая болезнь, наносная муть. А что поляки, желающие устроить свое царство по-своему, не задумаются обокромсать наши границы», — вспоминал генерал А. А. Брусилов. (См.: Брусилов А. А. Мои воспоминания. Харьков, 2012. С. 288). Ср. с критической позиции Брусилова, подписавшего известное воззвание «Ко всем русским офицерам, где бы они ни находились», исходившей от полковника (в эмиграции — генерала) А. А. фон Лампе, заметившего по этому поводу в своем дневнике: «До какой степени подлости могут пойти люди со страху или с голоду. Каждое слово возвания дышит этим страхом, каждое слово — подлость. Ведь не могут же старые генералы искренне верить, что интернационалисты-большевики действительно думают о "матушке России". Какую сволочь дал, однако, нам старый строй. В такие минуты, когда старые генералы служат красному разбойнику, я начинаю думать, что действительно старый строй ни к чему не годился, раз люди, служившие ему по 40 лет, не находят в себе мужества быть честными. Куда завлекают они своими именами несчастное русское офицерство, на каких струнах играют они. Да, пыл поляков надо умерить, но если

говорить о том, что может безвозвратно погубить Россию — лучше большевиков и жидов этого никто сделать не может и не сумеет! Жалко, что я не редактор газеты — постарался бы я отделать этих классических мерзавцев-предателей!» (См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 58–60. Дневниковая запись от 14 августа 1920.). Думается, что позиция самого Врангеля в отношении советско-польской войны совпадала с циничным, хотя и справедливым замечанием Лампе: «Дай Бог, чтобы большевистско-польская кадрили тянулась с переменным успехом возможно больше — это нам во всяком случае на руку». (См.: ГАРФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 80. Дневниковая запись от 27 августа 1920.). Известно, что 14 июня 1920 г. Врангель телеграфировал в российское дипломатическое представительство в Варшаве, в упомянутой телеграмме барон сообщал о том, что для него «польские войска не только не являются вражескими, но рассматриваются как союзные, поскольку Польша борется не с русским народом, а с советским режимом». (Цит. по: *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1919–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2013. Ч. 1. С. 253.). Получается, что Врангель в оценке советско-польского противостояния исходил из принципа: «враги моих врагов — мои друзья». Действительно, прекращение боевых действий между Польшей и РСФСР предопределило крах белого Крыма.

¹⁰ Яркая характеристика этого конфликта содержится как в воспоминаниях генерала Слащова, так и в его известной работе: *Слащев-Крымский Я. А.* Требую суда общества и гласности. (Оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы. Константинополь, 1921. — Также см.: *Кручинин А. С. П. Н.* Врангель и Я. А. Слащов: конфликт личностей или конфликт стратегий? // Крым. Врангель. 1920 год... С. 39–55.

¹¹ Самым ярким критиком Врангеля в этом вопросе был генерал Слащов, утверждавший в своей работе, «что Крым был неприступен, а войска дрались геройски», и, как следствие, возлагавший всю вину на Врангеля и его окружение — «высшее командование оказалось не на высоте своего призвания», «Виноваты не войска, а зависть, себялюбие, выставление своих интересов выше государственных и личные счеты». (См.: *Слащев-Крымский Я. А.* Требую суда общества и гласности... С. 92–93).

¹² См.: *Бортневский В. Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996.

¹³ *Махров П. С.* В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 145.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 220. Записки добровольца Д. Б. Бологовского. Л. 2–а.

¹⁵ *Деникин А.* Мой ответ (О воспоминаниях ген. П. Н. Врангеля) // Иллюстрированная Россия. Париж. 1930. № 22. С. 4.

¹⁶ Дом Русского Зарубежья А. Солженицына (ДРЗ). Ф. 1. М-250. Записки генерала П. Н. Шатилова. Л. 208.

¹⁷ *Слащев-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 76.

¹⁸ *Абинякин Р. М.* Смена главнокомандующих Вооруженными Силами на Юге России в 1920 г.: проблема сочетания «добровольческих» и «регулярных» устоев // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 18–19.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 8. Л. 9. Уточнения генерала Лукомского к своим воспоминаниям.

²⁰ Там же. Л. 106. — О своей непричастности к возникновению интриги против Деникина Врангель заявлял и в письме генералу И. Г. Барбовичу. (См.: «Ставя Родину выше лиц...» (из архива генерала И. Г. Барбовича) / Вводная статья, подготовка текста и комментарии В. Г. Бортневского // Русское прошлое. 1994. Кн. 5. С. 128).

²¹ *Бортневский В. Г. И. А.* Ильин и П. Н. Врангель: 1923–1928 гг. // Избранные труды. СПб., 1999. С. 170.

²² Еще в сентябре 1918 г. Врангель писал жене: «Дивизия работает на огромном фронте — так что я лишь имею общее руководство и лично от боя далеко. Тяжело морально, огромная ответственность, неблагодарная задача и в то же время самое недостойное, обидное для частей отношение Штаба Армии, ни слова благодарности, постоянное недоверие... Кто дает этот тон — не знаю, но на дух войск он не может не отразиться». (См.: *Врангель П. Н.* Из фронтовых писем жене: 1918–1920 гг. / Вводная статья, подготовка текста и комментарий В. Г. Бортневского // Русское прошлое. 1996. Кн. 7. С. 27.). «С высшим командованием сейчас нахожусь в периоде накануне

разрыва дипломатических сношений» (См.: Врангель П. Н. Из фронтовых писем жене... С. 32. Письмо от 24 мая 1919 г.); «бездарность, уверенная в собственной непогрешимости, и на этот раз свела на нет все успехи доблестнейших войск». (См.: *Врангель П. Н.* Из фронтовых писем жене... С. 32. 2 июня 1919 г.) — как видим, перед нами классические письма «обиженного» на Штаб фронтового генерала, жалующегося на то, что «штабные» «крадут победу у фронтовиков». Любопытно мнение Деникина по этому вопросу. Экс-главком писал в одной из своих неопубликованных рукописей, фактически отвечая на обвинения Врангеля в пренебрежении Главнокомандованием интересами Кавказской армии в период наступления последней на Царицын и на якобы «личную неприязнь» Деникина и Романовского к «черному барону»: «Врангель вообще был чрезвычайно почителен в личных разговорах с Главнокомандующим — это прежде всего. В данном случае, на вопрос Романовского, за что барон так его ненавидит, последний, смешавшись, сослался на неудовлетворительную работу его штаба и, в частности, на то, что штаб не заготовил дополнительных мостов через Дон перед отходом армий...». См.: Bakhmeteff archive. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12, folder 1. Рукопись А. И. Деникина «Заметки, дополнения и размышления к «Очеркам русской смуты». Р. 51. Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк).

²³ Начдив 4-й Кубанской дивизии Ф. И. Елисеев писал о письмах-памфлетах Врангеля: «Оба письма страшные. С точки зрения этики письмо Врангеля совершенно недопустимое, тем более, если учесть, что с таким письмом он обратился к своему Главнокомандующему...». (Цит. по: *Карпов Н. Д.* Трагедия белого Юга. 1920 год. М., 2005. С. 162.).

²⁴ *Ушаков А. И., Федюк В. П.* Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М., 1997. С. 36.

²⁵ ГАРФ. Ф. 7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 254.

²⁶ *Kenez P.* Civil war in South Russia, 1919–1920. The defeat of the Whites. Berkeley, 1977. P. 258.

²⁷ Центральный музей Вооруженных Сил (ЦМВС). Документальный фонд. Воспоминания Н. В. Шинкаренко. Ч. 2. Л. 68; *Гиацинтов Э. Н.* Записки белого офицера / Вступит. статья, подготовка текста и коммент. В. Г. Боршневого. СПб., 1992. С. 78.

²⁸ *Черчилль У.* Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., 2003. С. 315–316.

²⁹ Полторацкий Н. П. Генерал П. Н. Врангель // Наши вести. Santa Rosa. 1992. № 1. С. 9; *Kenez P.* Civil war in South Russia, 1919–1920. The defeat of the Whites. Berkeley, 1977. P. 259; *Цветков В. Ж.* Генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель // Белое движение. Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель... / сост. А. С. Кручинин. М., 2006. С. 383.

³⁰ *Струве П. Б.* Памяти вождей Белой армии // Наши вести. 1992. № 1. С. 8.

³¹ *Шульгин В.* Дух Врангеля // Россия. Париж. 1928. 5 мая.

³² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 611; *Саханев В. В.* Некоторые моменты вооруженной борьбы с большевиками на Юге России. Л. 116–117.

³³ Там же. Л. 126.

³⁴ *Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 726.

³⁵ *Росс Н. Г.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 28.

³⁶ *Бортневский В. Г.* Правитель Юга России // Белое дело. Люди и события. СПб., 1993. С. 40.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 418. Л. 6.

³⁸ *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 267.

³⁹ *Милюков П. Н.* Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2. С. 222.

⁴⁰ *Росс Н. Г.* Врангель в Крыму. С. 45.

⁴¹ Там же. С. 53–54.

⁴² *Вознесенский Н.* Авторитетные разъяснения // Вечернее слово. Севастополь. 1920. 7 июня.

⁴³ Росс Н. Г. Врангель в Крыму. С. 46.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 8. Л. 47–48. Письмо Врангеля Лукомскому от 6 апреля 1922.

Пученков А. С. Рецензия на книгу А. Крöнер “The White Knight of the Black Sea. The life of General Peter Wrangel” // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 308–318.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); ap80@mail.ru

Puchenkov A. S. Review on: Kröner A. ‘The White Knight of the Black Sea. The life of General Peter Wrangel’

AUTHOR: Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); ap80@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Kröner A. *The White Knight of the Black Sea. The life of General Peter Wrangel* (Hague, 2010).
- ² Kröner A. *Belaia armia, Chernyi baron: zhizn generala Petra Vrangelia* (Moscow, 2011).
- ³ Mintc I. I. ‘Vrangelevshchina’ in *Krasnyi arkhiv*, 1930, Vol. 2 (31).
- ⁴ *Vypusknik Gornogo instituta baron Petr Wrangel: zhizn i sudba*, Ed. V. G. Afanasiev (St. Petersburg, 2010).
- ⁵ Puchenkov A. S. *Ukraina i Krym v 1918 — nachale 1919 goda. Ocherki politicheskoi istorii* (St. Petersburg, 2013).
- ⁶ Abiniakin R. M. ‘Smena glavnokomanduiushchikh Vooruzhennymi Silami na Iuge Rossii v 1920 g.: problema sochetaniia “dobrovolcheskikh” i “reguliarnykh” ustoev’ in *Krym. Vrangel. 1920 god*, Compiled by S. M. Iskhakov (Moscow, 2006).
- ⁷ Karpov N. D. ‘A. I. Denikin i P. N. Vrangel: ot nesoglasii k antagonizmu’ in *Krym. Vrangel. 1920 god*, Compiled by S. M. Iskhakov (Moscow, 2006).
- ⁸ Puchenkov A. S. ‘“Generalskii sovdep” v Sevastopole, ili smena Glavnokomanduiushchikh Vooruzhennymi Silami Iuga Rossii v marte 1920 g.’ in *Klio*, 2010, no. 4.
- ⁹ Ushakov A. I., Fediuk V. P. *Belyi Yug. November 1919 — November 1920* (Moscow, 1997).
- ¹⁰ Abiniakin R. M. ‘Ubiistvo general-leitenanta I. P. Romanovskogo: deistvuiushchie litca i ispolniteli’ in *Russkii Iskhod kak rezultat nacionalnoi katastrofy. K 90-letiiu okonchaniia Grazhdanskoi voiny na evropeiskoi territorii Rossii (Moskva, 2-3 noiabria 2010 g.): materialy mezhdunar. konf.*, Ed. M. B. Smolin, V. N. Filianova (Moscow, 2011).
- ¹¹ Lobanov V. B. ‘Kavkazskaia armia v sostave Vooruzhennykh Sil Iuga Rossii’ in *Novyi chasovoi*, 2010, no. 19-20.
- ¹² Puchenkov A. S. ‘Denikin i kubantcy v 1919 godu: dva epizoda otnoshenii’ in *Russkii sbornik*, 2012, Vol. XII.
- ¹³ Puchenkov A. S. ‘“Daesh Varshavu!”: iz istorii sovetsko-polskoi voiny 1920 goda’ in *Noveishaia istoriia Rossii*, 2012, no. 2.
- ¹⁴ Brusilov A. A. *Moi vospominaniia* (Kharkov, 2012).
- ¹⁵ Tsvetkov V. Zh. *Beloe delo v Rossii. 1919–1922 gg. (formirovanie i evoliuciia politicheskikh struktur Belogo dvizheniia v Rossii)* (Moscow, 2013).
- ¹⁶ Kruchinin A. S. ‘P. N. Vrangel i Ia. A. Slashchov: konflikt lichnostei ili konflikt strategii?’ in *Krym. Vrangel. 1920 god*, Compiled by S. M. Iskhakov (Moscow, 2006).
- ¹⁷ Slashchev-Krymskii Ha. A. *Trebuu suda obshchestva i glasnosti. (Oborona i sdacha Kryma). Memuary i dokumenty* (Constantinople, 1921).

- ¹⁸ Bortnevskii V. G. *Zagadka smerti generala Vrangelia* (St. Petersburg, 1996).
- ¹⁹ Makhrov P. S. *V Beloi armii generala Denikina: Zapiski nachalnika shtaba Glavnokomanduiushchego Vooruzhennymi Silami Iuga Rossii* (St. Petersburg, 1994).
- ²⁰ Denikin A. 'Moi otvet (O vospominaniiax gen. P. N. Vrangelia)' in *Illustrirovannaia Rossiia* (Paris), 1930, no. 22.
- ²¹ Slashchov-Krymskii Ya. A. *Belyi Krym. 1920 g.: Memuary i dokumenty* (Moscow, 1990).
- ²² "Stavia Rodinu vyshе litc..." (iz arkhiva generala I. G. Barbovicha)' in *Russkoe proshloe*, 1994, Book 5.
- ²³ Vrangel P. N. 'Iz frontovykh pisem zhene: 1918 — 1920 gg.' in *Russkoe proshloe*, 1996, Book 7.
- ²⁴ Karpov N. D. *Tragediia belogo Yuga. 1920 god* (Moscow, 2005).
- ²⁵ Kenez P. *Civil war in South Russia, 1919–1920. The defeat of the Whites* (Berkeley, 1977).
- ²⁶ Giatcintov E. N. *Zapiski belogo ofitsera* (St. Petersburg, 1992).
- ²⁷ Churchill W. *Mirovoi krizis. Avtobiografiia. Rechi* (Moscow, 2003).
- ²⁸ Poltoratckii N. P. 'General P. N. Vrangel' in *Nashi vesti* (Santa Rosa), 1992, N 1.
- ²⁹ Tsvetkov V. Zh. 'General-leitenant baron P. N. Vrangel' in *Beloe dvizhenie. Istoricheskie portrety: L. G. Kornilov, A. I. Denikin, P. N. Vrangel*, Compiled by A. S. Kruchinin (Moscow, 2006).
- ³⁰ Struve P. B. 'Pamiaty vohdei Beloi armii' in *Nashi vesti*, 1992, no. 1.
- ³¹ Shulg'in V. 'Dukh Vrangelia' in *Rossiia* (Paris), 5 May 1928.
- ³² Obolenskii V. A. *Moia zhizn, moi sovremenniki* (Paris, 1988).
- ³³ Ross N. G. *Vrangel v Krymu* (Frankfurt am Main, 1982).
- ³⁴ Bortnevskii V. G. 'Pravitel Iuga Rossii' in *Beloe delo. Liudi i sobytia* (St. Petersburg, 1993).
- ³⁵ Zarubin A. G., Zarubin V. G. *Bez pobeditelei. Iz istorii grazhdanskoi voiny v Krymu* (Simferopol, 1997).
- ³⁶ Miliukov P. N. *Rossiia na perelome* (Paris, 1927).
- ³⁷ Voznesenskii N. 'Avtoritetnye raziasneniia' in *Vechnee slovo* (Sevastopol), 7 June 1920.